

УДК 94(092)

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОГО ДНЕВНИКА

О. С. МИСНИКОВ,

декан, д-р техн. наук, oleg.misnikov@gmail.com

Тверской государственной технической университет,
Тверь, Россия

Я в своих руках держу телеграмму от 17 апреля 1949 г. с поздравлением в адрес моего дедушки: «Уважаемый товарищ Мисников Степан Иванович! Исполком Брянского областного Совета депутатов трудящихся и обком ВКП(б) поздравляют Вас с высокой правительственной наградой орденом Трудового Красного Знамени за Вашу долголетнюю и безупречную работу в школе и желают Вам здоровья и дальнейших успехов в благородном деле обучения и воспитания подрастающего поколения, будущих строителей коммунистического общества».

Трудно передать те чувства, которые тогда переполняли всю его большую семью, коллег по родной Фошнянской школе и школам Красногорского района Брянской области! По словам моей бабушки, он очень гордился этой достойной оценкой его заслуг перед нашей Родиной!

Но начиналась эта счастливая история далеко не безоблачно... Листая документы семейного архива, понимаешь, что

Автор статьи делится с читателями воспоминаниями о своем деду, Степане Ивановиче Мисникове, простом советском человеке родом из небольшой деревеньки, что на Брянщине.

Бережно перелистывая страницы сохранившегося в семейном архиве дневника, мы узнаем о нелегких трудовых буднях Степана Ивановича, эпизодах фронтовой жизни. Автор с гордостью говорит о заслугах своего деда перед Родиной, отмеченных орденом Трудового Красного Знамени, рассказывает о долголетней работе его в школе по обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова: Степан Иванович Мисников, трудовая биография, фронтовые эпизоды, воспоминания

пришлось пережить нашим предкам, через какие трудности и испытания им пришлось пройти, чтобы нам, их потомкам, можно было спокойно жить и работать. На фоне тех фундаментальных потрясений, которые им пришлось пережить, все невзгоды сегодняшних дней кажутся такими мелочами...

Для меня их поколение навсегда останется великим! Счастливые, серьезные, светлые лица молодых людей глядят на нас с фотографии, сделанной на уездных педагогических курсах по повышению квалификации сельских учителей, датированной 20 августа 1928 г. В правом нижнем углу мой дед. Ему 27 лет, он, как и его коллеги, полон сил, энергии, творческих планов, которые обязательно будут реализованы, ведь впереди

Слушатели уездных педагогических курсов по повышению квалификации сельских учителей, 20 августа 1928 г. (С. И. Мисников крайний справа в нижнем ряду)

целая жизнь! Они уверены в завтрашнем дне, уверены в правоте выбранного страной курса и твердо знают, что надо делать для общего блага. Но через 13 лет начнется Великая Отечественная война, которая многим из них, тогда уже более зрелым, имеющим свои семьи, работу, перечеркнет эти планы, а многих вообще вычеркнет из жизни...

Официальные источники информации в 1970–1980-е годы, в период моего детства и юности, о войне больше говорили как о череде наших побед над жестоким врагом и времени великих подвигов солдат и офицеров Красной Армии. О поражениях старались не упоминать, равно как и не рассказывать о тех тяжелых буднях, в которых ковалась Великая Победа воинами на передовой, разведчиками за линией фронта и тружениками трудового фронта в тылу. Конечно, в нашей стране (тогда одной из самых читающих в мире) мы многое узнавали из книг, периодической печати и, главное, из рассказов свидетелей тех времен – непосредственных участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Правда, что касается последних, то, как правило, они очень неохотно разговаривали на тему войны, если не считать редких минут откровенности, которых было очень мало. А может быть, и нами, тогда очень юными детьми, для которых война казалась чем-то далеким и нереальным, их рассказы воспринимались как сказочные истории из фильмов. К сожалению, серьезно воспринимать их великую миссию мы начали только тогда, когда спросить было уже не у кого... Тем более что на встречах с ветеранами в школе, вузе, на службе в армии рассказывали в основном оптимистичные истории.

Дневник моего деда попал мне в руки совсем недавно и можно даже сказать случайно, я не знал о его существовании, он среди других бумаг затерялся в семейном архиве у родственников. Я его прочитал очень быстро, тем более что он хорошо сохранился, если не считать первой и последней страниц, которые фактически были обложками. На меня он произвел сильное впечатление. Конечно, для нашей семьи это важная информация. Но насколько это может быть интересно для других? Я долго сомневался в целесообразности публикации. Но думаю, что, несомненно, должны представлять интерес для современных читателей воспоминания простого советского человека из небольшой деревеньки, расположенной на границе России и Белоруссии. Ему исполнилось почти 40 лет, и было все, что нужно для счастья: любимая жена, шестеро (!) детей, востребованная обществом работа (учитель в школе), цель в жизни, которая совпадала с декларированной политической государственной. Все это кардинально изменилось 22 июня 1941 года. Я в первую очередь адресую этот материал к думающим и рефлексирующим гражданам России (независимо от возраста), которые неравнодушны к тому, что пытаются сделать с нашей общей историей недоброжелатели за пределами и, главное, внутри нашей страны. Эти воспоминания в основном о критически тяжелых первых месяцах войны, когда мы отступали, а в стране царил атмосфера растерянности, тоски и бесильной злобы на врага.

С. И. Мисников – слушатель шестимесячных курсов Новозыбковского педагогического института (г. Новозыбков, 1932 г.)

Из воспоминаний С. И. Мисникова

Шел август 1941 года. Фашист наступал и занимал город за городом, район за районом советской территории. Бои шли в 30–35 км от моей родной деревни¹. От выстрелов артиллерии дрожала земля, и звенели стекла. Бойцы, автомашины, пушки, обоз, кавалерия непрерывным потоком двигались на запад к линии фронта. Не один десяток колхозников ушли на фронт из моей деревни. Остальное население от мала до велика трудилось на уборке урожая для выполнения государственных поставок сельскохозяйственных продуктов, копало противотанковые рвы, строило бомбоубежища и вообще выполняло много таких работ, о которых до войны только слышало. Словом, деревня жила острой, бурной, до предела напряженной жизнью.

Я день и ночь носился по бригадам, работал в канцелярии колхоза, сельского Совета, в поселках, выполняя поручения

¹Деревня Фошное (устаревшее Хвошное и Фошня) в настоящее время расположена в Красногорском районе Брянской области.

районных организаций и принимая все меры военного времени для выполнения задач, поставленных партией и правительством перед прифронтовой деревней. Время настало тревожное, горячее, ответственное — спать было некогда.

И вот 12 августа я был вызван в райвоенкомат и зачислен в истребительный батальон. Катастрофа района приближалась с каждым днем. Я нес караульную службу по охране важных объектов. Информбюро сообщало нерадостные вести. Со стороны Белоруссии тянулись и тянулись конные, пешие — гражданское население уходило в глубь страны на восток. 15 августа была объявлена всеобщая мобилизация мужчин до 50 лет. Утром этого дня я был в своей деревне и готовил семью к эвакуации. С рассветом деревня огласилась воем и плачем. Казалось, плачут и живые и мертвые... Да, сказать легко... А в деревне из двухсот домов остались всего 10–12 стариков. Жизнь сразу замерла. В 12 часов дня, собрав кое-какие пожитки, мои птенцы и жена покинули родной угол. Что я думал и переживал в этот момент, описать не могу, да и рассказать вряд ли найдутся слова. Растерянность, отупление и бессмысленные взоры кругом. Вечером 14 августа я простился с семьей в Красной Горе² и отправил ее вместе с другими в путь. Боже! Неужели все кончено, и я больше не увижу ни милой Паши, ни своих крошек: Тани, Мани, Вани, Нины, Коли и Лены? Вот мука, вот горе! Да, это действительно удар тяжелее смерти!

15 августа положение в районе стало еще тревожнее. Проклятый фашист начал бомбить деревни Ширки, Летяхи и Фошню. Мою родную Фошню! Сердце сжималось, мускулы напрягались. Разбомбив деревни, враг поджег их зажигательными бомбами. Горят деревни, а население в болотах, кустах, лесах, оврагах. Кровь и слезы, слезы и кровь...

Наш батальон живет жизнью партизан. Все вооружены, у каждого вид хмурого, решительного бойца. 16 августа я получаю оперативное задание в районе своей деревни. И вот я вместе с Алешей туда поехал... Приехали в деревню, а здесь ни одной живой души в домах. Все спрятались, кто куда смог. В деревне мертвая тишина. Мелкий скот — свиньи, овцы, козы бродят везде, где им вздумается. Один край вчерашнего пожара еще дымился. Мы пошли туда. Встретили «Максимца», который ходил по пожарищу и гасил дымящиеся головешки. Жуть кругом! «Где же народ?» — спрашиваем. «А бог его знает, расплзлись кто куда», — ответил старик «Максимец». Хотя бы еще кого-нибудь увидеть! Никого нет. Стоят избы, раскрыты ворота, в окнах ни одного стекла. Наконец под вечер замелькали кое-где люди. Стали подходить к нам. В основном лица у всех заплаканы. Разговаривали с ними мало. Наскоро мы им рассказали, что надо делать. Выполнив другие поручения из оперативного задания, мы собрались уезжать. Мимходом я зашел на свой родной двор. Что же? Кругом пустота. Окна забиты (очевидно Петр Елисеевич выполнил мою просьбу), одна свинка еще шныряла, того не понимая, что хозяйева ее покинули и сами находятся в руках судьбы. Стемнело, и мы выехали в район.

² Районный центр в Брянской области.

На другой день, 17 августа, почти замерла жизнь и в районе. Редкие орудийные выстрелы говорили о близости врага. Последние части Красной Армии уходили на восток. Районные организации заканчивали эвакуацию имущества, а кое-что сжигали или закапывали в землю. Мы ждали какого-нибудь нового распоряжения, но какого — никто не знал. Раздали остатки одежды со склада швейной мастерской. Алеша получил фуфайку, так как был практически голый, а мне досталась белая фланелевая рубашка. Я ее отдал на хранение Елене Давыденко, потому что был одет сносно — тужурка, плащ. Обедали в опустевшей столовой. Ели до отвала. Хотелось отдохнуть, но пришло распоряжение покинуть пределы района. Маршрут — Климово. Отряд выстроился. Командиры Ф. Капусто, М. Горбачев, Г. Шумеев дали соответствующее указание бойцам отряда. Нагрузив подводы хлебом, мукой, салом, захватив конфет, сахара, вина, махорки, спичек и т. д., а также необходимую кухонную посуду, отряд из 60 человек на 12 подводах в 4 часа дня 17 августа выступил из Красной Горы по указанному маршруту.

Первый день прошли немного — 15 км и заночевали за деревней Городечня. Спали вместе с Алешей и Максимом Соболев. Вот еще не впадающий в уныние друг! Как ни тяжело было на душе, а он шутит, улыбается. В эту ночь много говорили, рассуждали, вспоминали жен и детей. Спали в копне чего-то колючего. 18 августа двинулись в сторону Новозыбкова, в который прибыли 19 августа в 6 утра. Город был пуст. Ни одной живой души из населения города. Окна закрыты просовнями, ворота — крепкими засовами. Сделалось жутко. Мы шли по пустынному городу с винтовками на ремне и гранатами за поясом. Ждали встречи с передовыми отрядами «фрицев». Однако опасения наши оказались преждевременными, так как на Советской улице, в центре города, еще находилась наша авиачасть, правда, небольшая по численности, и кое-где стояли часовые. Идем дальше. Вот уже проехали город и проезжаем деревушку, расположенную в 500 м от линии железной дороги Клинцы — Новозыбков и в километре от станции Новозыбков. Вдруг — гул моторов в воздухе! Три вражеских самолета летели прямо на станцию. Мы спрятались, замаскировали свой обоз и стали ждать. Самолеты сделали разворот и стали бомбить станцию. Земля задрожала, и темные клубы дыма закрыли все, что было видно издали. Разрушений сделали много, вспыхнул огромный пожар на станции. Сделав свое гнусное дело, немецкие чудовища улетели обратно, не встречая никаких препятствий на своем разбойничьем пути. Наш отряд двинулся дальше и к вечеру прибыл в город Климово. Районные организации уже свернули свою деятельность, и никого из работников мы не нашли. Город находился во власти стихии. Немного отдохнув и побеседовав с подошедшими женщинами, мы двинулись дальше в Черниговскую область, минуя Новгород-Северский, по направлению к Семеновке.

Жара. Дорога песчаная. Утомление чувствуется во всем организме. Ноги еле двигаются. Но нужно спешить, ибо дорог каждый час, чтобы не быть отрезанным врагом. И мысль

вырваться из окружения, попасть к своим, влиться в ряды Красной Армии бодрит и придает силы к движению вперед. Миновали Семеновку как-то утром. А людей, машин, вооружения и скота не перечесать. Все смешались, как на ярмарке, с той лишь разницей, что не слышно: «Продаешь?», «Почем?», «Дорого!», а слышно: «Куда?», «Как проехать?», «Далеко ли?», и слезы с просьбой: «Подвезите!», «Помогите!». Но кто поможет, кто подвезет? Это равносильно тому, что отказать себе в такой момент, когда находишься между жизнью и смертью... Сердце сжимается от боли, глаза наполняются недвижимыми мутными слезами от бессилия помочь и инстинктивно ноги уносят дальше, и как можно скорее, чтобы меньше видеть эту тяжелую, невыносимую картину. Уж на что крепкий характер у Алеша, но и он втихомолку, скрывая от меня, иногда плакал. О себе я и говорить не стану, скажу только, что я рыдал, рыдал горькими слезами каждую ночь, с тех пор как простился с родным гнездом и своими крошками и Пашей.

Остановились отдохнуть, проехав полтора-два километра за Семеновку. Но отдых был нарушен немецкими стервятниками, которые неожиданно появились над Семеновкой и все «разворотили». Не меньше 25–30 бомб было сброшено на стариков, женщин и детей, на мирную Семеновку. Что там стало после такой зверской расправы, я не знаю, но воображение рисовало жуткие картины действительности, которую я невольно наблюдал. Мы наскоро передохнули и двинулись дальше на Глухов, минуя Шостку, которая испила более горькую чашу, чем Семеновка. Не менее двух часов земля дрожала в радиусе 20 км от разрывов бомб в Шостке! А исполнители этого гнусного злодеяния, как сказочные чудовища, летели медленно и низко, выглядывая новую жертву среди мирного населения! Но мысль в душе одна: ненадолго «зверь» разъярился, не так далек тот момент, когда он проглотит «пилюлю» и издохнет, презираемый даже мелкими хищниками! И эта мысль давала силу и крепость на преодоление тягот и лишений, ожидающих нас впереди.

В Глухов приехали днем. Город еще не был тронут войной. Рынок жил полной торговой жизнью. Наблюдая за этим, казалось, что страна живет мирной жизнью, и люди не думают о величайших событиях в ней, а каждый занят своими хозяйственными и семейными делами. Но это только казалось, а на самом деле мирного спокойствия не было ни на лицах, ни в движениях, ни в разговорах. Люди были напряжены, пасмурны, в разговорах сквозила нервозность... Они ждали чего-то страшного и небывалого до сих пор. Походив по рынку и дав отдохнуть лошадям, мы пошли дальше. Не помню, сколько дней добирались от Глухова, пройдя Сумскую и часть Курской области. Наконец мы попали в свою Орловскую область³, в город Севск.

Опять тоска и кошмар! Город сильно поврежден, окна в домах без стекол, улицы пустынные. Кое-где в скверах, садах и под большими деревьями мелькали одиночные «смелые» обыватели Севска. На одной из улиц стоял склад с зерном ржи,

пшеницы и овса. Зерно было под открытым небом, так как крыши были сорваны, а стены разворочены взрывами. Вокруг громадные воронки красноречиво говорили о случившемся, а немецкие самолеты над городом – о состоянии города. Расположились ночевать в большом саду на краю Севска, так как необходимо было достать хлеба и получить дальнейший маршрут. На другой день Алеша с начальниками уехал в центр за хлебом. Побродив по саду, не зная, чем себя занять, я тоже решил пойти в город. Около военкомата встретил Алешу, ожидающего дальнейших указаний. Вот сидим на возу и балагурим. Вдруг, смотрю, как выросший из-под земли подходит Т. Сенчик, за ним Г. Минушкин и еще несколько учительниц Колюдовской⁴ школы. С ними была и Макарова Таня, подруга моей Паши. Таня мне рассказала, что встретила (не помнит где) Давыденко Ивана, который рассказал о встрече с моей семьей в Клинцовском⁵ лесу. Все мои плакали и были грязные... У меня на душе опять стало тоскливо. Поговорив еще немного, я простился с Таней и пошел вместе с Тихоном М. в столовую. Беседа с ним как-то не клеилась, есть тоже не хотелось... После известий о семье мне было не до разговоров, мы оба спешили и ни о чем конкретном не договорились. Так и простились, пожелав друг другу успехов в дальнейшей безысследности. Минушкин пошел со мной в сад, где располагался наш отряд. Он рассказал, что дорогой попал на немецкий разъезд, который начал стрелять из автоматов. Спасаясь от оккупантов, он бросил пальто и вещи в корзинку и побежал. Теперь ему даже покушать было нечего. Я дал ему хлеба, махорки, спичек, и мы простились.

В полдень привезли хлеб, получили дальнейший маршрут на Комаричи и двинулись дальше. В Комаричи прибыли 28 августа, а затем на формировочный пункт – совхоз «Владимировка», располагавшийся в восьми километрах за Комаричами. Здесь встретили райвоенкома товарища Минина.

По его распоряжению весь наш отряд влился в части Красной Армии. Из своих земляков-односельчан встретил Шелюто Александра и Потапова А. Они тоже были включены в наше подразделение и поехали на Курск. Мы с Алешей были зачислены в обоз и 30 августа также выехали в Курск. Ехали не спеша и без особых трудностей добрались до Курска. Как я просил Алешу поехать в Орел, в надежде найти своих (семью)! Это мое желание было вызвано тем, что в Комаричах он встретил Лисеенка К., который видел на этой станции жену Алеша. Как я хотел, чтобы он ехал по свежим следам, но ответственность поборола чувства семейные, и мы вместе направились по указанному маршруту. Шестого сентября вечером приехали в Курск. Изрядно выпили и заночевали на берегу реки у станции Рышково.

Наутро сдали лошадей, телеги и упряжь, а сами были направлены в Гореловский лес, который находился в 12 километрах от Рышково и Курска, в 44-ю запасную стрелковую бригаду. Восьмого сентября судьба нас с Алешей разлучила: нас

³Брянская область была образована только 5 июля 1944 г. из городов и районов, входивших в состав Орловской области.

⁴Колюды – село, расположенное в 3 км от деревни Фошное, которая с 2005 г. входит в состав Колюдовского сельского поселения.

⁵Клинцы – второй по величине город Брянской области, районный центр.

зачислили в разные роты, его подразделение срочно было куда-то направлено, а наша 9-я рота 44 ЗСБ пока оставалась на прежнем месте. И так я потерял последнего человека, с которым был как брат! На другой день долго искал Алешу, спрашивал, даже заблудился в лесу и только вечером смог найти свою роту. Девятого сентября я был вызван в штаб бригады к военному коменданту, который изучив мои документы, опыт работы в школе и почерк, предложил мне должность писаря административно-хозяйственной части.

Вот, наконец, я окончательно оформился как боец РККА и служу в штабе 44-й ЗСБ писарем АХЧ. Начальник части техник-интендант II ранга т. Гарбуз и его помощник т. Цуканов — люди на своем месте. Отношение ко мне с первых дней было хорошее. В свободные минуты они не были против моей 10–15-минутной отлучки, и я имел возможность бывать в районе расположения штаба. Жил я вместе с бойцами комендантского взвода в маленьком дачном домике в 50 м от штаба. Жизнь вошла в привычную колею красноармейца военного времени. Информбюро сообщало нерадостные вести. Враг теснил наши части и медленно приближался к Курску. Налеты авиации на Курск стали учащаться с каждым днем. Потихоньку начали поговаривать об эвакуации города. Каждый день шла отправка на фронт. 27 сентября меня перевели в бригадный госпиталь на такую же должность. В госпитале условия жизни и работы были относительно неплохие, но служить здесь пришлось недолго. Немец наступал, создавалась угроза захвата Курска, что подтверждалось ежедневной бомбежкой вокзала и военных объектов. Стали серьезно готовиться к отступлению, чего никто и не скрывал из начальников и политработников. Готовились около недели: укладывали и паковали в ящики медикаменты, приборы, посуду. Больных, около 80 человек, пропустили через гарнизонную комиссию и выписали из госпиталя. Остался только обслуживающий персонал — начальник, его помощник, военком, медицинские сестры, санитары и я — всего 26 человек.

И вот ночью 9 октября два фургона и личный состав госпиталя тронулись в путь. Ночь, дождь, тьма, а мы идем. Лошадям очень тяжело. Вышли, а куда, никто не знает. Первую ночь провели в пути, мокрые, усталые, и только утром остановились в какой-то деревне на первый привал. Отдыхали сидя, человек 20 в одной избушке. Просушиться было нельзя, просто сидели, грелись и дремали. Здесь я сразу понял всю трудность предстоящего пути. Поняли это и начальники госпиталя. Ведь из города выступило сразу несколько тысяч человек и, если двигаться общим маршем, то возможности посушить одежду и хотя бы немного поспать лежа будет очень мало. Поэтому мы свернули на другой день в сторону от главной дороги, заняли квартиры на двух-трех человек и переночевали в «человеческих» условиях. Хозяева имели возможность помочь нам самым необходимым и даже покормили. Это была большая удача и, по возможности, такую «стратегию» начальник госпиталя периодически реализовывал: днем шли по дороге общего марша, а на ночь ухаживали в сторону.

Вместе с армией громадными табунами угоняли и скот — коров, овец, свиней. Изредка обгоняли и груженные телеги с эвакуированными. Картина была нерадостная, настроение гнетущее. Жители деревень спрашивали: «Куда?» и всегда получали ответ: «Не знаем» или «На немца». Но в основном неудовольствованные они провожали нас вялыми взглядами или заплаканными глазами. Самолеты противника подгоняли отстающих и продолжали свое черное дело (бомбили армию, скот, железнодорожные станции). Кормились и люди, и скот «по потребности»⁶: целые туши коров, овец, свиней примерно на 10 бойцов и пятитонные стога клевера, а то и просто ржи или пшеницы — на стадо скота. Иногда 10–12 лошадей могли съесть это за одну ночь. Опустошение урожая и уничтожение скота шло безмерное. Кроме этого, к несчастью, пошли постоянные дожди: липкая, черная грязь засасывала все. Даже автомашины стояли иногда по 4–5 дней в грязи. Угоняемый скот, особенно овцы и свиньи, стал падать. Я сам видел целые кладбища по 100 и более голов павших свиней, не говоря о телятах и овцах, трупами которых кишел каждый овраг в степях Воронежской области.

А мы все шли и шли... Отдыхали, меняли лошадей и шли. Вот проехали «песенный» Дон и 1 ноября ступили на улицы Воронежа. Расположились на отдых в «Интендантском городке» на восточной окраине города. В просторных теплых корпусах трехэтажных казенных помещений отдыхали и мылись, мылись и отдыхали вволю. А надо сказать, что за двадцать два дня пути развели на себе не одну сотню сытых, жирных вшей. Грызли они безжалостно, особенно это чувствовалось на ночлегах, когда мы немного согревались. Я был вынужден жарить белье на соломенном костре прямо в степи. Для этого отставал от «своих» и раздевшись донга начинал «инквизицию» паразитам. Да, путь был тяжелый, но вместе с тем, это была только генеральная репетиция еще больших трудностей, которых каждый ждал и готов был встретить, побороть, пережить, чтобы вернуться к прежней мирной созидательной жизни.

Четыре дня жили в Воронеже. Службы никакой, кроме двух часовых караулов в сутки возле своих возов. Я побывал в самом городе: чисто, много деревьев в скверах и отдельно растущих по улицам. Дома низкие, то есть я не заметил трех и более этажей, может быть, потому, что в первый раз в глазах все разбегается. Магазины были полны хлеба, калачей, колбасы, окороков и прочих продуктов. Продавалось все и всем. «Черные вороны» навещали каждый день, но особых разрушений пока не было, если не считать злодеяния, сделанного до нашего приезда. Здесь мы отдохнули, поели хорошей пищи (белого хлеба, колбасы, ветчины) и 4 ноября в четыре часа утра покинули Воронеж. Опять тяжелый путь, опять надоедливая мысль: «Где же конечная остановка? Куда идем?». Проехав Воронежскую область, вступили на окраину Тамбовской области.

Однажды, заночевав в колхозе «Пахарь» Тамбовского сельсовета (хозяин — Осипов Сергей Антонович), я обратился к хозяйке квартиры с просьбой «поворожить». Ни в каких колдунов и ворожей я не верю, но, находясь в тяжелых раздумьях о семье,

⁶Автор имеет в виду отсутствие порядка и дисциплины при использовании продовольствия.

я решил облегчить душевные муки и покорно слушал старушку-ворожею. Я думаю, как и большинству людей, так и мне она сказала вполне хорошие вести. Под впечатлением бабкиного рассказа я спал в эту ночь замечательно. На утро, тепло простившись с хозяйкой и поблагодарив ее за ворожбу, а особенно за теплые носки и варежки, мы поехали дальше.

Анархия в отношении убоя скота и пользования кормами, которая наблюдалась в широком масштабе по пути до Воронежа, наконец прекратилась: вышел приказ, за нарушение которого следовал военный трибунал, со всеми вытекающими последствиями... Сумятица сменилась строгим порядком во всей жизни сел и городов. А мы двигались дальше на восток.

Наступили морозы. Речушки, реки и другие водоемы замерзли. Во второй половине ноября выпал снег. Начались степные бураны. Тамбовская область закончилась, началась Саратовская. Казалось, едем целую вечность, и конца пути не будет. В пути привыкли ко всему: кушать два раза в день, спать на полу в соломе и не обращать внимания на вшивый зуд, ходить по колесной колее в снегу, вертеть самокрутки при 30–40-градусном морозе, овладели другими навыками, которых не было в прошлой жизни. И вот морозным утром 24 ноября прибыли на станцию Ртищево Саратовской области. Здесь мы все узнали – конец нашего пути. Да, изрядно протопали за 45 дней! Сорок пять дней в дождь, в морозы, в пургу и буран под «шапкой» прошагали. Легко сказать! Если взять средний расчет 25 км в день, то получается, что прошли около 1125 км по дороге – длинной струне, которая играла в пути на разные лады и тона, выражая смешанные чувства проходивших по ней...

Разместились в городе в частных квартирах по 1, 2, 3 и более человек. Тепло, уют. Отдых прекрасный. Занятий никаких, забот тоже, кроме самообслуживания (получить продукты, приготовить пищу, помыться в бане и т. д.). «Гуляем». На второй или третий день откомандировали нашего военкома, но госпиталь юридически и фактически существует как самостоятельное подразделение 44-й ЗСБ. Живем... Радио стало сообщать приятные вести. Неописуемая радость охватила всех, когда услышали о разгроме хищников-фашистов под Москвой! «Взяты Елец, Ефремово», – сообщает радио. Освобождаются населенные пункты любимой Родины, уничтожаются десятки тысяч презренных врагов. Ура! Началась суровая расплата за наши слезы и кровь!

5 января 1942 г. с утра мы начали «грузиться» в предназначенный для нашего госпиталя вагон поданного состава и в 10 часов вечера тронулись в путь. Опять тоскливая неизвестность маршрута. Знаем одно, что едем на восток, в тыл. Начались догадки, предположения, соображения, а точного удовлетворяющего ответа на вопрос: «Куда?» – никто не дал. Нет необходимости описывать движение поездом, ибо оно известно большинству, а выдающегося случая, о котором можно было рассказать, не представилось. Ехали десять суток через Пензу, Куйбышев, Уфу, Златоуст, мимо Свердловска. Остановились 14 января (ночью) на станции Разъезд в 12 км от города Камышлова для выгрузки. Разместились в сосновом лесу в землянках. Первым познакомился с нами мороз Сибири. Условия жизни были трудными. Если сказать, что землянки не оборудованы, специальных помещений

Заслуженный фронтовик С. И. Мисников в послевоенные годы

нет, бани нет, питьевой воды – не вволю, а табачку и со свечкой не найдешь на территории лагеря, то картина сразу ясна.

Я духом не падал. Горе мое да тоска заключались только в безызначности семьи, да пугали немного крепкие сибирские морозы. Госпиталь наш расформировали, и я попал в хоззвезд своего же 60-го полка. Конечно, служба была тоскливая, надоедливо тянулись дни до 20 января, а потом меня откомандировали в числе сорока человек в город Свердловск. Слава Богу, думал «хуже не будет, чем в этой дикой глуши».

И точно, 22 января приехали в Свердловск, и я был зачислен в роту обеспечения Черкасского пехотного училища. Помещение – землянка – оборудовано, чистота, уют, электрический свет, чистенькие нары и постельные принадлежности. Задания выполнял разные: писарь, маляр, конюх, легковой извозчик, словом, «большой начальник»: куда пошлют, что прикажут, то и делаешь. Я был очень доволен. Например, что значит прокатить 5 км до Свердловска на выездной лошадке в спецвизочке? Ого, прелесть! Освоился, совсем стало хорошо. Обратился к начальнику политотдела тов. Чуркину по поводу розыска семьи, обещал помочь...

Вдруг 10 марта жизнь резко изменилась: меня откомандировали в числе 14 человек в 9-ю маршевую роту 384 ЗСП. Но это война, всегда и ко всему надо быть готовым. Даже неудобно как-то стало перед собой...

Попав в маршевую роту, я быстро свылся с обстановкой и точно знал, что будет дальше в отношении обязанностей и перспектив рядового бойца. 25 марта наша рота выехала на фронт (к чему я мысленно был готов) и 10 апреля я уже был

Отличник народного просвещения директор школы С. И. Мисников со своими коллегами и учениками после вручения ордена Трудового Красного Знамени (1949 г.)

на передовой – Синявинском направлении, в 70 км от станции Жихарево. Сразу показалось жутко, чувства окаменели при виде валяющихся трупов людей в таком положении, в каком застала смерть бойца (лежа, сидя, согнувшись). На второй день я уже выполнял боевое задание. Чувствовал себя вполне нормально. Боялся одного: чтобы не попасть живым в руки врага, особенно раненым. А кругом непроходимые болота, вода. Лежим на подостланном хворосте в обороне. Тихо. Вдруг гул моторов в воздухе, душераздирающий визг и оглушительные взрывы, или беспрестанный свист снарядов и их смертельные осколки, косящие лес и все живое. И это каждый день в определенный час. Привыкаешь, и целью твоей жизни является выполнение боевого задания командования. Конечно, есть и подлецы, но их единицы. Свидетелем расстрела одного из мерзавцев – изменников Родины – был я сам. Правильно.

Да, частенько становилось «жарко» нам, но и мы не оставались в долгу. Один раз пуля попала в магазинную коробку моей винтовки. Но я быстро нашел другую и продолжил бой. В тот день враг от нас понес серьезные потери и на какое-то время пруть свою поубавил. Правда, ненадолго, но тогда для нас каждая передышка была важна. Так и тянулись дни боевой и обыденной фронтовой жизни...

23 мая я получил тяжелое ранение и попал в медсанбат, а затем был направлен в госпиталь. Потянулись длинные лечебные процедуры. 14 января 1943 г. я прошел врачебную комиссию и 15 января был выписан из госпиталя инвалидом войны. Нет сил, да я и не собирался описывать то, что я почувствовал, выйдя из госпиталя инвалидом. Здоровья нет, родины нет, о семье известий нет. Кажется и так ясно, что можно чувствовать и переживать. А жизнь идет своим чередом...

Пролог

А продолжение и окончание этой в чем-то типичной для того времени истории было связано с трагическими событиями. Кто-то на фронте терял своих родных и близких людей, а в нашей семье в эвакуации от голода и болезней умерли дочери – две девочки, одной из которых было всего 3 года, а второй – 18 лет. Но дед узнал об этом уже гораздо позже, когда уже жил в Сухотинском доме инвалидов (Тамбовская обл., Знаменский район). В конце концов он разыскал семью, и как только их родные места были освобождены от врага, они вернулись на малую родину. Занимались тем, чем занималась вся страна, – восстановлением разрушенного войной народного хозяйства, строительством школы, воспитанием детей. 3 мая 1945 г. родился самый младший член семьи – мой отец Мисников Степан Степанович. В деревне его называли – Человек Мира! Дед работал в школе, очень внимательно, насколько позволяла в то время информационная повестка, следил за событиями по освоению космического пространства. И очень радовался успехам страны, особенно когда Юрий Алексеевич Гагарин впервые покорил космическое пространство. Ведь как технически грамотный представитель трудовой интеллигенции, с одной стороны, и как человек, который видел и мог адекватно оценить страшные последствия общей беды, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что стоит за нашими победами и какой ценой они нам достались!

Он, к сожалению, совсем немного не дожил до своего шестидесятилетия. Ранения, лишения и общее подорванное войной здоровье дали о себе знать.

Трое из его детей продолжили трудиться на ниве народного образования в разных местах нашей большой тогда страны СССР – в Узбекистане, Казахстане и РСФСР. **ГЖ**